„РАЗСКАЗЫ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ".

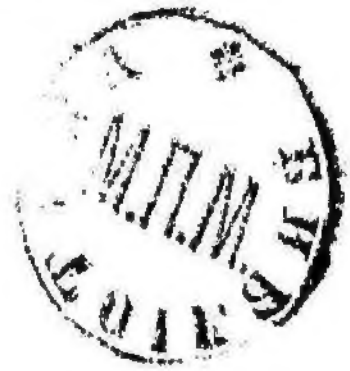
ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

НАЧАЛО РУСИ.

I.

(Откуда Русь пошла, какъ христіанство въ ней началось и какъ первые князья княжили).

Сос. Н. Фрейманъ.



МОСКВА.
Типографія А. П. Снегиревой,
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1894.

2007110009

Дозволено Цензурою. Москва, 1 марта 1894 года.

I.

Велика и всякими богатствами обильна наша матушка—Русь святая! Протянулась она изъ конца въ конецъ, отъ моря до моря, отъ самыхъ жаркихъ странъ до самыхъ холодныхъ! Сколько городовъ богатыхъ въ ней настроено, сколько храмовъ Божьихъ, сколько монастырей съ мощами святыхъ угодниковъ—и счету нѣтъ! Питаетъ она великое множество людей, даетъ всѣмъ хлѣбъ насущный и кровъ теплый... Дивится на нее весь міръ и ни одно государство на землѣ не можетъ съ нею въ ровень стать, ни одинъ царь не дерзаетъ идти противъ Русскаго Царя, страшась его силы и могущества!

А то ли было лѣтъ 1800 назадъ? Такъ же ли велика, богата и славна была наша отчизна? Такъ же ли боялись ее ея враги? Такой же ли въ ней народъ православный жилъ?

Нѣтъ! не то было въ тѣ поры!.. Не только чтобъ весь міръ Божій удивлялся на Россію, завидовалъ бы ея славѣ и могуществу, такъ и ея то самой тогда еще не было!..

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь города стоятъ да храмы Божіи благолѣпіемъ сіяютъ, тогда все больше лѣса непроходимые да болота непролазныя были; гдѣ теперь русскій человѣкъ достаетъ себѣ хлѣбъ насущный и съ слезами радостными благодаритъ Господа за щедроты Его, тамъ въ тѣ поры проливалась кровь человѣческая и славились боги языческіе.

По великому своему невѣдѣнію поклонялись люди всякимъ идоламъ да чурбанамъ да думали, что въ этихъ чурбанахъ да въ этихъ деревяшкахъ боги живутъ, добро и зло людямъ творятъ: посылаютъ имъ урожаи на поляхъ и побѣды въ битвахъ съ врагами; потому разными жертвами и приношеніями старались они умилостивить боговъ этихъ, чтобъ смѣнили они гнѣвъ на милость и послали бы имъ всякихъ благополучій... Не вѣдали ни Истиннаго Господа, ни завѣтовъ Его!

Подобно звѣрямъ дикимъ скитались люди въ лѣсахъ непроходимыхъ, укрываясь отъ враговъ, не имѣя ни домовъ теплыхъ, ни одежды хорошей; жили въ шалашахъ да земянкахъ, прикрывали тѣло свое шкурами, ѣли всякіе

коренья, ягоды, рыбу да звѣриное мясо. Мѣстами, гдѣ земля поудобнѣй, сѣяли, правда, хлѣбъ и землепашествомъ занимались, но больше же—охотой на звѣрей и рыбной ловлей. Дня того не проходило, чтобъ кто-нибудь на кого-нибудь войной не шелъ, аль кто-нибудь кого-нибудь не убилъ или не ограбилъ; а убить и ограбить, особенно врага, у нихъ не только за грѣхъ не почиталось, такъ даже похвальнымъ дѣломъ было!..

Но не по желанію своему не знали предки наши вѣры христіанской и не по испорченности душевной совратились съ пути истиннаго, а по невѣдѣнію творили разныя дѣла богомерзкія: въ русалокъ, домовыхъ да лѣшихъ вѣровали, истуканамъ поклонялись... Наставить же ихъ не кому было! Въ другихъ государствахъ хоть и многіе ужъ въ ту пору христіанскую вѣру исповѣдывали, да съ ними они никакихъ сношеній не имѣли, а потому и перенять отъ нихъ ничего хорошаго, угоднаго Богу не могли.

Русскіе люди—народъ славянскій и дѣлился на много колѣнъ: были тамъ поляне, древляне, кривичи, вятичи, ильменскіе славяне, радимичи и сѣверяне.

Сперва жили славяне въ разсыпную — каждая семья отдѣльно, потомъ стали сходиться

къ берегамъ рѣкъ и селиться кучками такъ, что каждое колѣно свои земли имѣло: поляне стали жить по рѣкѣ Днѣпру, тамъ гдѣ теперь Кіевская губернія находится; кривичи—повыше, въ нынѣшней Смоленской губерніи; ильменскіе славяне—около озера Ильменя, а остальные—по другимъ рѣкамъ, что въ Днѣпръ да въ Волгу текутъ.

Вотъ надумали они вмѣсто шалашей да землянокъ складывать себѣ изъ бревенъ избы; потомъ стали обносить ихъ крѣпкимъ заборомъ, чтобы врагъ не такъ скоро до жилья добраться могъ, а такія огороженныя и застроенныя мѣста стали городами называть да все свое добро въ нихъ хоронить. Начали и торговлю съ сосѣдними народами вести, хлѣбопашествомъ больше заниматься; но все же не было у нихъ промежъ собой миру: то одно колѣно съ другимъ воевать станетъ, то на сосѣдей какихъ войной пойдутъ... Топчутъ нивы, грабятъ города, людей убиваютъ, либо въ полонъ уводятъ, данью тяжкой одинъ другаго облагаютъ, а остановить, урезонить ихъ не кому было потому, что ни князей ни царей они не знали, а слушались только старѣшинъ своихъ. Старѣйшинъ же у нихъ много было: въ каждой семьѣ по одному, и они не то чтобъ народъ усовѣщивать, буйные нравы укрощать,

такъ и сами то и дѣло споры да ссоры заводили, одинъ другаго убивали да народъ этимъ самымъ губили.

Долго жили такъ славяне, не зная ни мира ни закона, ни спокойствія, пока не посѣтилъ Господь милостію Своею ильменскихъ славянъ и не просвѣтилъ ихъ разумы: рѣшили они выбрать себѣ князя, чтобъ онъ одинъ ими правилъ и судъ надъ ними держалъ, и законы давалъ.

Вотъ собрались они въ своемъ городѣ, Новгородѣ, и стали совѣтъ держать: кому княземъ быть?

Долго судили они на разные лады, и того, и другаго старѣйшину своего въ князья прочили - половина согласится, половина—нѣтъ! Какъ быть? И вотъ, чтобъ не было промежъ нихъ ни зависти, ни споровъ да несогласія, постановили послать пословъ за море къ варягамъ, чтобъ пришелъ отъ нихъ какой-нибудь витязь и сталъ бы въ Новгородѣ княжить.

На чемъ рѣшили, то и сдѣлали: снарядили новгородцы пословъ, научили ихъ что и какъ сказать и отправили въ землю варяжскую.

Варяжскій же народъ, какъ и славянскій, на многія колѣна дѣлился; каждое колѣно и у нихъ свою землю и свое названіе имѣло.

Въ ту пору на берегу самаго моря жило варяжское колѣно по имени *Русь*.

Къ землѣ этой Руси новгородскіе послы и прибыли.

Увидали варяги пословъ и диву дались: зачѣмъ бы пріѣхали они? А новгородцы вышли изъ лодокъ и сказали:

— Присланы мы отъ славянъ ильменскихъ изъ города Новгорода бить челомъ вамъ: земля наша велика и обильна, порядка въ ней лишь нѣтъ! придите княжить и владѣть нами.

Подумали варяги, посовѣтывались между собой и три витязя, по именамъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, согласились ѣхать.

Витязи эти родные братья были.

Вотъ собрали они дружины свои и отправились въ Новгородъ.

Съ великой честью и радостью встрѣтили новгородцы князей своихъ: всѣ полагали, что прекратятся у нихъ теперь всякія неурядицы.

Какъ полагали, такъ и вышло: начали князья народомъ править—сразу всѣ споры да раздоры въ Новгородѣ затихли: перестали народъ одинъ другаго грабить, убивать да самоуправствовать, никто не смѣлъ противъ княжеской воли идти...

Такъ какъ князья въ Новгородѣ изъ варяжскаго колѣна *Русь* были, то и ильмен-

скіе славяне стали называться *Русскими*, а земли ихъ *Русью. Отсюда то и началась наша матушка Русь.* Было это въ 862 году, значитъ—тысячу съ лишкомъ лѣтъ назадъ.

Рюрикъ княжилъ въ самомъ Новгородѣ, а братьямъ своимъ отдалъ другіе города: одному Изборскъ, другому Бѣлозеро. Только не долго покняжили Труворъ съ Синеусомъ: года черезъ три умерли они; остался княжить Рюрикъ одинъ во всей землѣ новгородской.

Промежъ дружинниковъ князя были два витязя по именамъ Аскольдъ и Диръ. Родомъ они были тоже изъ варяжской земли и пріѣхали въ Новгородъ вмѣстѣ съ князьями.

Вотъ приходятъ они разъ къ Рюрику и говорятъ ему:

— Княже! много у тебя вѣрныхъ и доблестныхъ слугъ, много богатствъ разныхъ въ казнѣ твоей; мы же, витязи твои, въ недостаткѣ да бѣдности живемъ! Не нужна теперь тебѣ служба наша, позволь намъ взять дружины свои и въ чужія страны идти, счастья попытать.

Князь ихъ отпустилъ.

Сѣли они въ лодки, разсадили въ нихъ дружины свои и поплыли: сначала по озеру Ильменю, потомъ въ рѣку вошли; изъ этой рѣки по суху лодки свои перетащили въ другую,

изъ другой въ третью и добрались до Днѣпра. Стали по немъ спускаться.

Проѣхали земли кривичей, мимо города Смоленска и стали подъѣзжать къ землѣ полянъ. У полянъ былъ городъ Кіевъ. Кіевъ въ ту пору, по тогдашнему, разумѣется, большой и богатый городъ былъ; стоялъ онъ на крутой горѣ, надъ самой рѣкой и очень красивъ былъ, особливо ежели съ рѣки на него посмотрѣть.

Подъѣхали витязи къ Кіеву, взглянули на него и диву дались: никогда они такого красиваго города не видали!

Причалили они свои лодки къ берегу и стали городъ разсматривать да на мѣстность любоваться. Случилось, что на берегу народъ былъ; завязали витязи съ нимъ бесѣду, стали разспрашивать чей городъ это? хорошо ли живутъ въ немъ? Кто народомъ правитъ?.. И стали кіевляне на судьбу печаловаться, на старѣйшинъ своихъ жаловаться, что безпорядки они чинятъ, спорятъ, ссорятся одинъ съ другимъ, народу покою не даютъ: постоянно у нихъ междоусобія да несогласія, а сосѣдніе народы тѣмъ самымъ пользуются, земли отбираютъ, народъ въ полонъ уводятъ, заступиться жъ не кому...

— Вотъ и теперь,—сказали они—мы хозарамъ дань тяжелую платимъ!

Услышали витязи такія рѣчи, потолковали о чемъ то промежъ собой и говоритъ Аскольдъ полянамъ:

— Очень вашъ городъ, да и вы сами, намъ по сердцу припились! Ежели хотите. мы поможемъ вамъ хозаръ изъ земли вашей выгнать, только съ такимъ условіемъ, чтобъ прогнавши хозаръ, намъ въ вашемъ городѣ жить остаться и въ земляхъ кіевскихъ княжить.

Стали поляне совѣтываться: согласиться, аль нѣтъ? Толковали, толковали и рѣшили, что лучше слушаться витязей, чѣмъ тяжкую дань хозарамъ платить, да на раздоры старѣйшинъ своихъ глядѣть.

Такъ они и витязямъ сказали.

Вотъ вошли Аскольдъ и Диръ съ дружинами своими въ городъ и велѣли имъ въ походъ на хозаръ собираться.

Къ дружинамъ этимъ пристали поляне. Большое войско набралось! И повели его витязи на врага.

Какъ снѣгъ на голову нагрянули на хозаръ дружины витязей: ни какъ они того не ожидали, чтобъ изъ Кіева на нихъ такое войско придти могло... Не выдержали они битвы и разбѣжались, а витязи съ честью въ Кіевъ воротились и въ немъ княжить стали.

Всѣмъ довольны были новые князья кіев-

скіе: и народъ хорошій, послушный, и земля богатая, плодородная, рыбы въ рѣкѣ, да звѣрья въ лѣсахъ—страсть сколько,—не оберешься, хоть голыми руками бери!.. Одного имъ не хватало: не было у нихъ казны богатой.

Вотъ и надумали они опять въ чужія земли пуститься. Собрали опять свои дружины, вызвали охотниковъ изъ полянъ, принесли, по языческому обычаю, жертвы богамъ своимъ, чтобъ послали имъ успѣха и на 200 лодкахъ поплыли внизъ по Днѣпру, потомъ морями разными и подошли къ одному большому и богатому греческому городу, Царьграду.

Городъ этотъ и теперь есть, только называется онъ не Царьградомъ, а Константинополемъ и живутъ въ немъ турки—мусульмане; въ ту же пору тамъ обитали греки.

Вѣра у грековъ была христіанская, такая же, какъ теперь наша,—православная. Въ самомъ городѣ у нихъ много храмовъ Божьихъ построено было; въ храмахъ этихъ находились иконы чудотворныя и святыни разныя, хранился крестъ, на коемъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ мученія пріялъ, гвозди, коими Онъ ко кресту пригвожденъ былъ, а въ одной церкви, по имени Влахернской Божьей Матери, была чудотворная риза Богоматери. Богобоязненные греки пуще глаза берегли всѣ эти свя-

тыни, чтили ихъ и въ случаѣ крайности къ ихъ чудодѣйствующей силѣ прибѣгали.

Вотъ подошли Аскольдъ и Диръ съ войскомъ своимъ къ Царьграду и обступили его съ моря такъ, что ни одна лодка пройти не могла ни въ городъ, ни изъ города. А въ самомъ городѣ на этотъ разъ войска мало случилось... Испугался народъ, не знаютъ что дѣлать, какъ городъ свой отстоять! Отворили они настежь всѣ храмы и стали молебны служить объ избавленіи отъ враговъ.

Въ Царьградѣ въ ту пору жилъ патріархъ по имени Фотій. Цѣлую ночь на пролетъ молился онъ съ народомъ въ храмѣ Влахернской Божьей Матери, чтобъ ниспослалъ Господь грекамъ силы защитить городъ отъ враговъ и, чтобъ не далъ Онъ святыни Свои язычникамъ на поруганіе; а утромъ, какъ только заря заниматься стала, взялъ чудотворную ризу Богоматери и совсѣмъ духовенствомъ и народомъ пошелъ на берегъ моря, гдѣ вражескія лодки стояли.

Погода выдалась тихая, ясная,—море хоть бы гдѣ колыхнулось! Словно зеркало чистое лежало оно передъ городомъ... Отслужили еще разъ молебенъ, прочиталъ Фотій вслухъ молитву и погрузилъ ризу Богоматери въ воду...

Свершилось тутъ чудо великое! Только риза

коснулась воды, какъ все море сразу поче
нѣло и заколыхалось; поднялись волны выс
кія... ревутъ, лѣзутъ одна на другую, слови
злятся они, будто придавить, захлеснуть од
другую хотятъ:.. море то вдругъ вздымется
горой высокой кажется, то вдругъ упадетъ
бездонной пропастью мѣстами выглядитъ...

Словно щепки разбросало и разметало б
рей славянскія лодки; огласился воздухъ крик
ми: лодки ломаются, трещатъ, перевертываютс
вверхъ дномъ и тонутъ, а съ ними и люди н
бездну морскую идутъ.

Но вотъ вдругъ буря унялась: сразу уле
лись волны и выровнялась гладь морская, опят
не шелохнется вода, опять зеркаломъ лежит
море передъ Царьградомъ, будто ничего и н
было... но ужъ не видно ни одной лодки вра
жеской, только обломки отъ нихъ мѣстам
чернѣются...

Отъ дружины кіевской и десятой части н
осталось: спаслись Аскольдъ съ Диромъ д
воиновъ немного, остальные всѣ утонули.

Очнулись витязи отъ испуга, поднялись с
земли—на море смотрятъ, а оно тихо-тих
будто и бури то на немъ никогда не бываетъ
Взглянули они тогда на небо и преклонил
колѣна.

— Боже христіанскій!—сказали въ одинъ г

лось Аскольдъ съ Диромъ—великъ и силенъ Ты! Для защиты вѣрующихъ въ Тебя творишь Ты чудеса неслыханныя! Подвластны тебѣ и вода и суша... По единому слову Твоему колышатся моря, поднимаются волны невиданныя и потопляютъ враговъ народа Твоего! Видимъ мы теперь, что Ты Единый и Истинный Господь еси, наши же, языческіе боги—истуканы!.. Не хотимъ больше быть язычниками, хотимъ быть христіанами!

Встали они съ колѣнъ, созвали своихъ воиновъ, что въ живыхъ остались, сказали имъ о своемъ желаніи въ христіанскую вѣру переходить и послали въ Царьградъ пословъ, чтобъ объявили они объ этомъ греческому народу.

Въ Царьградѣ же благодарственные молебны служили: стоя на колѣнахъ съ простертыми къ небу руками, благодарили греки Господа за заступничество; во всѣхъ церквахъ колокола гудѣли словно на Пасхѣ Христовой, вездѣ слышно было пѣніе хвалебное... Великая, несказанная радость стояла во всемъ городѣ!

Вотъ пришли въ Царьградъ послы отъ витязей кіевскихъ; поклонились они грекамъ на всѣ четыре стороны и сказали:

— Прислали насъ къ вамъ князья наши, чтобъ не опасались вы ихъ... Пришли они, правда, сюда для войны, но какъ увидѣли чудо

свершившееся, оставили о ней всякія помышленія, умилились духомъ и увѣровали въ Бога христіанскаго. Хотятъ они теперь въ вашу вѣру перейти. Пришлите къ нимъ священниковъ своихъ, дабы наставили они ихъ и крещеніе надъ ними совершили!..

Еще пуще возрадовались греки въ Царьградѣ, еще громче загудѣли колокола...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого приняли князья и многіе воины кіевскіе св. крещеніе, помолились усердно Господу въ соборѣ царьградскомъ и, получивъ напутствіе отъ патріарха, назадъ въ Кіевъ уѣхали.

Воротившись домой, они первымъ дѣломъ церковь православную строить принялись, стали священниковъ изъ греческой земли вызывать, народъ свой христіанскимъ правиламъ обучать и въ православную вѣру обращать.

Такъ началось христіанство въ Кіевѣ!

Пока живы были Аскольдъ съ Диромъ стадо Христово въ Кіевѣ по немножку росло и росло, но какъ умерли они, не стало вѣрныхъ заботниковъ о вѣрѣ православной, многое перемѣнилось, многое пошло по другому: тяжело стало въ Кіевѣ жить христіанамъ и мало кто поэтому въ православную вѣру переходить сталъ...

II.

Въ 879 году скончался въ Новгородѣ князь Рюрикъ; послѣ него остался малолѣтній сынъ по имени Игорь. По юности своей править княжествомъ самъ онъ не могъ, а потому вмѣсто него княжить сталъ Олегъ, сродственникъ Рюриковъ.

Честолюбивый, безпокойный нравъ былъ у Олега; не могъ онъ долго безъ войны, безъ ратныхъ подвиговъ обойтись! Только 3 года послѣ смерти Рюрика посидѣлъ онъ спокойно.

Въ 882 году собралъ Олегъ большое войско, взялъ Игоря съ собой, разсадилъ всѣхъ въ лодки и отправился въ походъ тѣмъ самымъ путемъ, какимъ Аскольдъ съ Диромъ ѣхали, когда Рюрикъ ихъ изъ Новгорода отпустилъ.

Пришелъ Олегъ съ дружинами своими къ Днѣпру и сталъ славянъ, что по этой рѣкѣ жили, воевать; полонилъ онъ кривичей, сѣверянъ и добрался до полянъ. А слыхалъ онъ раньше, что у полянъ есть красивый богатый городъ, что называется онъ Кіевомъ и что тамъ правятъ народомъ и князьями величаются Аскольдъ съ Диромъ. Сильно не по нутру ему это было: ему хотѣлось одному всѣми сла-

вянами править, чтобъ *всѣ славяне одно русское государство составляли*, а не раздѣлялись на колѣна. Вотъ и задумалъ онъ извести кіевскихъ князей.

Честолюбивъ да и уменъ былъ Олегъ! Онъ живо придумалъ, какъ поскорѣй да полегче дѣло устроить. Не доѣзжая Кіева велѣлъ онъ войскамъ остановиться; самъ одѣлъ купеческую одежду, выбралъ десятка два—три самыхъ надежныхъ, храбрыхъ воиновъ, спряталъ ихъ въ лодки и съ ними поѣхалъ къ Кіеву, а остальнымъ сказалъ, чтобъ въ камышахъ засѣли и приказаній бы его ждали.

Вотъ причалилъ онъ къ берегу и послалъ въ Кіевъ сказать князьямъ, что пристали, молъ, къ берегу купцы варяжскіе; ѣдутъ-де они изъ Новгорода въ греческія земли товары закупать и просятъ князей выйти къ нимъ.

Аскольдъ съ Диромъ повѣрили этимъ рѣчамъ да, какъ дома сидѣли, такъ и вышли: не взяли съ собой ни мечей ни тѣлохранителей. Только стали подходить къ тому мѣсту, гдѣ лодки новгородскія стояли, Олегъ свиснулъ. Сразу выскочили изъ лодокъ воины, которые въ нихъ спрятаны были и обступили кіевскихъ князей такъ, что имъ ни взадъ, ни впередъ податься нельзя было. Вышелъ тогда Олегъ съ малолѣтнимъ Игоремъ и говоритъ:

— Ослушники вы и преступники! Вы отпросились у покойнаго князя Рюрика въ чужія страны счастья попытать. а сами безъ воли его княжить тутъ засѣли! Не князья вы и не княжескаго рода... вотъ вашъ князь— Игорь!.. Воины мои доблестные, накажите сихъ самозванцевъ и ослушниковъ княжескаго наказа!

Накинулись воины на князей и убили ихъ, а Олегъ съ гордостью въ городъ вошелъ и такъ онъ ему по сердцу пришелся, что въ немъ жить остался и назвалъ его матерью городовъ русскихъ.

Тутъ то вотъ и кончились красные деньки для христіанъ кіевскихъ! Нельзя сказать, чтобъ ихъ особенно тѣснили и, какъ въ другихъ земляхъ въ ту пору было,—мучили, но ужъ не было того что при Аскольдѣ и Дирѣ! Олегъ самъ язычникъ былъ; какъ вошелъ онъ въ Кіевъ, ему разумѣется, сказали, что тутъ люди православной вѣры есть, но онъ не обратилъ на это вниманія, да и забылъ о нихъ скоро: не то на умѣ у него было—все о походахъ думалъ. Язычники же: воины, что съ Олегомъ пришли да и изъ кіевлянъ многіе, какъ увидали, что князь не заботится о христіанахъ, стали ихъ прижимать, смѣяться надъ ними, надъ ихъ вѣрой... Такъ и терпѣли православ-

ные цѣлые 67 лѣтъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ княгиня Ольга православіе приняла.

Вошелъ Олегъ въ Кіевъ, поосмотрѣлся немного, узналъ, что не подалеку отъ кіевскихъ земель живутъ другія славянскія колѣна и пошелъ на нихъ.

Полонилъ Древлянскія земли, что по р. Припяти жили, взялъ городъ ихъ Коростель, обложилъ народъ данью, завоевалъ и другихъ славянъ и воротился въ Кіевъ. Но и послѣ этого не долго просидѣлъ мирно: сталъ къ большему походу готовиться—задумалъ на Царьградъ идти.

Велѣлъ Олегъ лодки дѣлать да провіанту запасать и во всѣ концы земли славянской гонцовъ разослалъ, чтобы собирались въ Кіевъ ратные люди.

Великое множество воиновъ набралось по зову Олегову: пришли они и изъ Новгорода, и отъ Кривичей, и отъ Сѣверянъ, и отъ Древлянъ, ратниковъ своихъ выставили и Поляне, да и самого Олега была изъ варяговъ дружина не малая... Весь Кіевъ заполонился войсками: были тамъ и пѣшіе, и конные, были и въ латахъ, и въ простыхъ рубахахъ, и съ копьями, и съ топорами, и съ вилами... и кого-кого только тамъ не было!

Вотъ, какъ все къ походу готово было, сѣлъ

Олегъ на своего любимаго коня и велѣлъ, чтобъ пѣшіе въ лодки входили и ѣхали-бъ внизъ по Днѣпру, а самъ слѣдомъ за ними по берегу повелъ конницу.

Зачернѣлся Днѣпръ отъ лодокъ славянскихъ, пѣсни, шумъ, гамъ стоялъ надъ рѣкой—слова разслышать нельзя было; словно лента пестрая потянулась вдоль берега полемъ конница!... Сто тысячъ человѣкъ тронулось въ тотъ разъ изъ Кіева на Царьградъ!

Провелъ Олегъ конницу черезъ поле и сталъ въ лѣсъ въѣзжать. Вдругъ выходитъ ему на встрѣчу кудесникъ. (Кудесниками въ ту пору назывались тѣ, кто людямъ будущее предсказывалъ. Славяне, пока язычниками были, такихъ предсказателей очень уважали и всякій почетъ имъ оказывали, ибо думали, что они въ особенной милости у боговъ находятся, потому и видѣть могутъ, что со всякимъ человѣкомъ сбудется въ жизни). Увидалъ Олегъ кудесника этого и подъѣхалъ къ нему.

— Старче!—сказалъ онъ ему—тебѣ извѣстно все: боги открываютъ тебѣ что каждаго ожидаетъ на землѣ. Скажи мнѣ, старикъ, ворочусь ли я изъ этого похода съ побѣдой или въ чужихъ земляхъ кости свои сложу?

— Княже!—отвѣтилъ кудесникъ—ни одинъ народъ не можетъ устоять противъ тебя; всѣхъ

ты сокрушаешь и надъ всѣми побѣды одерживаешь; несешь ты съ собой страхъ и трепетъ для враговъ: единое имя твое устрашаетъ храбрыхъ и повергаетъ въ ужасъ малодушныхъ. Безъ бою сдадутся тебѣ греки; возмешь ты богатую дань съ Царьграда, прибьешь свой щитъ надъ воротами городскими и съ великою славой воротишься въ Кіевъ.

— Любы мнѣ рѣчи твои, старче; да пошлютъ боги, чтобъ сбылись твои предсказанія! Скажи мнѣ теперь, какъ кончится жизнь моя? Буду ли я славенъ въ народѣ при концѣ дней моихъ?

— Великую славу и любовь народную готовятъ тебѣ боги за подвиги твои ратные, но, княже, пріемлешь ты смерть отъ коня своего!

— Какъ? что говоришь ты, кудесникъ?!— воскликнулъ Олегъ блеснувъ очами—врешь ты, старикъ! Не вѣрю я чтобъ сей конь, мой неразлучный товарищъ въ бояхъ и въ походахъ, былъ причиной погибели моей!... Привыкъ ты врать, врешь и теперь! Уйди съ глазъ моихъ, ты лживый старецъ, и страшись гнѣва моего!

Сказалъ это Олегъ и отъѣхалъ въ раздумьи отъ кудесника.

По что, князь, омрачилось чело твое? развѣ не предрёкъ тебѣ кудесникъ побѣды и славы?—спросили его воины.

— Сказалъ онъ, что побѣду одержу я надъ

Царьградомъ и, что великую славу готовятъ мнѣ боги, но пророчитъ онъ смерть отъ коня моего...—отвѣтилъ Олегъ.—Возмите, друзья, этого коня хольте и берегите его, а мнѣ дайте другаго.—Сказалъ онъ задумчиво немного погодя и сошелъ на земь.

Конюхи подскочили взяли изъ княжескихъ рукъ повода и отвели коня, а ему подвели другаго. Олегъ вскочилъ въ сѣдло и грустный поѣхалъ дальше.

Долго шли войска Олеговы разными государствами, но вотъ пришли въ земли греческія. Велѣлъ тутъ Олегъ конницѣ остановиться на берегу моря, чтобъ дождаться пѣхоты. Немного погодя подъѣхали и лодки славянскія. Тогда князь приказалъ, чтобъ пѣхота не выходя изъ лодокъ и не отставая отъ конницы шла къ самому Царыграду и тронулся берегомъ дальше.

Опять великій страхъ напалъ на грековъ, какъ увидали они, что подходятъ славянскія войска. Стали они къ защитѣ готовиться: затянули входъ въ городъ съ моря толстыми цѣпями, чтобъ лодки вражескія съ этой стороны пройти не могли, затворили всѣ ворота, а сами на городскія стѣны стали.

Увидалъ Олегъ, что море цѣпями затянуто

и, чтобъ грековъ устрашить, пустился на хитрость: велѣлъ онъ воинамъ своимъ лодки на берегъ вытаскивать и колеса къ нимъ придѣлывать; а какъ все готово было сталъ попутнаго вѣтра дожидаться; и только потянуло къ городу приказалъ всѣмъ въ лодки скорѣй садиться и паруса натягивать. Натянули славяне паруса, подхватило лодки вѣтромъ и понесло къ Царьграду, мѣсто жъ было ровное, гладкое.

Взглянули греки на посуху идущія лодки и въ неслыханый ужасъ пришли; въ смятеніи своемъ многіе полагали даже, что не люди, а самъ діаволъ, принявъ на себя образъ человѣческій со всѣмъ своимъ стадомъ на нихъ идетъ.... Стали они совѣтываться, какъ съ врагомъ этимъ поступить: обороняться начать или ужь добровольно дань какую потребуютъ уплатить. Но устрашенные, они не долго совѣщались: почти всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что лучше сдаваться, чѣмъ въ битву вступать и послали къ Олегу пословъ съ разными винами и кушаньями, чтобъ умилостивился князь Русскій надъ греками и откушалъ бы явствъ этихъ.

Но Олегъ отъ кушаній отказался, ибо думалъ, что греки извести его хотятъ и отравы въ нихъ положили, а посламъ сказалъ, что на миръ онъ согласенъ съ такимъ только усло-

вiемъ чтобъ греки дали по 6 фунтовъ серебра на каждаго Русскаго воина.

Воротились послы назадъ въ Царьградъ и сказали чего для миру требуетъ Олегъ. Подумали, посовѣтовались греки—жаль денегъ! да дѣлать нечего—согласились.

Взялъ Олегъ дань съ грековъ, нагрузилъ лодки свои серебромъ да золотомъ, прибилъ надъ воротами городскими въ знакъ побѣды свой щитъ и повелъ свои войска назадъ въ Кіевъ.

Съ великой частью встрѣтили Кіевляне князя своего и за побѣду эту прозвали его мудрымъ, или какъ тогда говорилось—вѣщимъ.

Лѣтъ черезъ пять послѣ похода на Царьградъ созвалъ разъ Олегъ дружинниковъ къ себѣ на пиръ. Долго пировалъ онъ съ ними, смѣялся, шутки шутилъ, вспоминалъ про разные походы, про битвы, про народы; говорили тамъ и про Царьградъ, и про грековъ, и про то какъ испугались они, когда славяне къ городу въ лодкахъ посуху подъѣхали, и вдругъ вспомнилось Олегу предсказаніе кудесника. Подозвалъ онъ конюховъ и спрашиваетъ ихъ исполняютъ ли приказанія княжескія—холятъ ли коня его любимаго? И вотъ говорятъ ему, что конь этотъ издохъ ужь давно. Сильно раз-

серчалъ Олегъ на кудесника! Стукнулъ онъ кулакомъ по столу и всталъ съ лавки.

— Друзья! — сказалъ Олегъ — многіе изъ васъ слыхали, какъ лѣтъ 5 назадъ напророчилъ мнѣ кудесникъ смерть отъ моего коня, теперь слышу, что этотъ конь издохъ давно! Какое достойное наказаніе придумать мнѣ для этого лжеца?... Послать сейчасъ гонцовъ во всѣ концы. пусть приведутъ они ко мнѣ кудесника того. А вы, друзья, укажите мнѣ то мѣсто, гдѣ покоятся кости товарища, друга моего.

Сказалъ это Олегъ и вышелъ изъ избы, а за нимъ и вся дружина. Повели конюхи князя за городъ. Подошли они къ одному холму и сказали.

— Князь! на этомъ холмѣ лежатъ кости твоего коня.

Оставилъ Олегъ конюховъ съ дружинниками подъ горой и одинъ взошелъ на холмъ.

Видитъ онъ и правду кости бѣлѣются; разбросаны они по всюду, иныя пескомъ засыпаны-еле замѣтны, иные переломаны, и, будто нарочно, въ кучки собраны, травка бархатистая промежъ ихъ пробивается... Остановился Олегъ, глядитъ на кости и задумался... Вотъ чудится ему, будто несется онъ словно вѣтеръ на любимцѣ своемъ; конь уморился, тяжело

ыпетъ, вспотѣлъ, въ пѣнѣ весь,—клочьями
иситъ она у него на мордѣ и на шеѣ, но все
етитъ онъ словно земли подъ собой не чуетъ;
позади топотъ лошадиный слышенъ—будто
онится кто, крики какіе то... но вотъ погоня
отставать начала: топотъ и крики становятся
все тише и тише, ужь словъ разобрать нельзя
—такъ шумъ какой то... вотъ и его не слышно—
все смолкло, тишина кругомъ, впереди палатки
войска кіевскаго бѣлѣются...

Олегъ спасенъ!... Осаживаетъ онъ коня, сходитъ на земь, обнимаетъ его за шею, цѣлуетъ.

— Ты другъ мой, ты товарищъ мой вѣрный, ты спасъ меня отъ рукъ вражескихъ, отъ смерти лютой! —говоритъ онъ и опять обнимаетъ его и опять цѣлуетъ...

Но вдругъ почувствовалъ Олегъ, что что то ему ногу сдавливаетъ, будто кольцомъ какимъ... взглянулъ—змѣя!.. Въ раздумьи не замѣтилъ онъ, какъ изъ лошадинаго черепа, что не далеко отъ его ноги лежалъ, выползла она... Вскрикнулъ князь, схватился за змѣю обѣими руками... но ужь поздно: она ужалила его! Прибѣжали на крикъ конюхи и дружинники, что подъ горой остались, убили змѣю, а ядъ ея ужь разливался по жиламъ княжескимъ...

Подошелъ тогда Олегъ къ черепу изъ котораго она выползла и сказалъ.

Друзья! напрасно я серчалъ на кудесниковъ правду сказалъ: сей черепъ принадлежалъ коню моему и въ немъ таилась погибель моя!

Со слезами подняли воины своего князя и въ великомъ смущеніи понесли его въ городъ.

Вечеромъ того же дня Олегъ скончался.

III.

Послѣ смерти Олеговой княжить на Руси сталъ Игорь, сынъ Рюриковъ.

Этотъ князь былъ нрава не столъ буйнаго и воинственнаго, какъ Олегъ и не особенно любилъ воевать, ходилъ онъ, правда раза два на земли греческія, воевалъ съ кое-какими народами, что по сосѣдству съ Россіей жили, но больше все дома сидѣлъ да охотой на звѣрей забавлялся либо дань собирать ѣздилъ.

Вотъ поѣхалъ разъ Игорь съ войскомъ къ древлянамъ за данью. Дань собралъ и назадъ было ворочаться сталъ; да дорогой дружинники его завели бесѣду о дѣлахъ разныхъ и начали на недостатки свои князю печаловаться. Слушалъ ихъ Игорь, слушалъ и говоритъ.

— Что-жь мнѣ дѣлать, чтобъ недостатки ваши покрыть? Вы знаете, друзья, что я и самъ то такихъ богатствъ не имѣю, чтобъ вамъ раз-

дать; а вотъ ежели хотите, то воротимся къ древлянамъ соберемъ еще разъ дань съ нихъ и дѣлите ее тогда промежь собой.

Обрадовались дружинники и, разумѣется, всѣ до одного согласились на это.

Чтобъ не водить съ собой попусту много народу, Игорь половину войска отправилъ въ Кіевъ, а съ остальными назадъ въ древлянскую землю повернулъ.

Только услыхали Древляне про этотъ поступокъ Игоревъ и собрались на свѣтъ.

— Чего ему еще нужно отъ насъ, — говорили кто помоложе — одинъ разъ отдали мы дань, зачѣмъ же намъ ее еще платить? Повадился волкъ въ овечье стадо ходить—всѣхъ перетаскаетъ, ежели не убить его!

— Такъ то оно такъ!—говорили на это старики — только пошлемъ лучше спервоначалу сказать, чтобы не ходилъ онъ къ намъ больше до будущаго года, не то плохо ему будетъ,— можетъ и опамятуется; а ужь ежели не послушаетъ, не уйдетъ, тогда подлинно, какъ волка лютаго извести его слѣдуетъ, а то не будетъ намъ отъ него покоя... Всежь лучше, ежели предупредить.

Такъ и рѣшили: послали древляне Игорю на встрѣчу пословъ сказать ему о томъ, что въ

Коростенѣ на совѣтѣ положили. Игорь же прогналъ ихъ отъ себя и дальше пошелъ.

Тогда собралъ князь Древлянскій, по имени Малъ, воиновъ своихъ и, какъ только дружина Игорева къ Коростеню подходить стала, напалъ на нее.

Мало было кіевлянъ: не могли они выдержать битвы и бѣжали, самъ же Игорь постарости да тучности своей за ними не поспѣлъ и древлянамъ въ полнѣ попался. Схватили они его да убили.

Послѣ Игоря княземъ Россійскимъ сдѣлался сынъ его, Святославъ.

Но такъ какъ Святославъ въ ту пору еще совсѣмъ дитя былъ, то государствомъ править стала мать его, княгиня Ольга.

Въ нашей христіанской вѣрѣ за большой грѣхъ считается врагамъ да обидчикамъ своимъ мстить: Христосъ Спаситель нашъ велѣлъ намъ и недруговъ нашихъ прощать да любить. Тогдашніе же Россіяне по своей языческой вѣрѣ полагали совсѣмъ наоборотъ: у нихъ, кто обидчику обиду прощалъ, тотъ и за человѣка то не считался! всякій могъ надъ нимъ глумиться, потѣшаться и даже всякое зло причинять. Такъ вотъ и Ольга: узнала она, что супруга ея древляне убили и стала случая искать, за мужнину смерть имъ отомстить.

Случай же этотъ скоро представился и вотъ какимъ родомъ:

Древляне сгоряча убили Кіевскаго князя, а послѣ то, пообдумавши свой поступокъ, оробѣли: смекнули, что Ольга да и народъ Кіевскій не простятъ имъ такой обиды и мстить начнутъ и ежели придутъ къ нимъ теперь ихъ войска, то ужь никому пощады не будетъ! Что тутъ дѣлать? Какъ изъ бѣды выйти?

Долго думали древляне надъ этимъ и вотъ разсудили наконецъ, что ежели бы князь ихъ, Малъ, женился на княгинѣ Ольгѣ, то ужь, разумѣется, кіевляне мстить не станутъ.

Живо нарядили они къ Ольгѣ пословъ и стали ждать: что будетъ? согласиться она за Мала замужъ выйти, или нѣтъ?

Вотъ прибыли послы эти въ Кіевъ, явились къ Ольгѣ и стали ее за своего князя сватать.

Ольга послушала ихъ рѣчи, подумала и говоритъ:

— Чтожь, правду сказали вы! не подобаетъ мнѣ во вдовствѣ находиться, мужа своего мнѣ все равно не воскресить, что сдѣлано того ужь не воротишь! Согласна за вашего князя выйти. Теперь же идите къ лодкамъ вашимъ и ждите пока я пришлю за вами. А когда люди мои придутъ звать васъ, то велите имъ нести себя въ лодкахъ до самаго терема моего,

чтобъ всѣ знали и видѣли, съ какою честью я встрѣчаю пословъ отъ князя Мала.

Въ великой радости вышли древляне изъ города. Сѣли они въ лодки и ужъ заранѣе стали думать, какъ они величаться передъ Кіевлянами станутъ, когда ихъ въ лодкахъ понесутъ.

Ольга же. какъ только Древляне ушли, велѣла запереть городскія ворота и на дворѣ передъ своимъ теремомъ глубокую яму копать, а на другой день рано утромъ послала звать Древлянъ къ себѣ.

Съ гордостью встрѣтили они людей Ольгиныхъ!

— Не хотимъ мы ни пѣшкомъ итди ни на лошадяхъ ѣхать,—сказали они—несите насъ къ вашей княгинѣ въ лодкахъ!

А люди эти ужъ раньше научены какъ и что Древлянамъ отвѣтить.

— Невольны мы перечить вамъ—отвѣтили они—князь нашъ убитъ, княгиня же за вашего князя замужъ выходитъ.... что прикажете, то и дѣлать станемъ.

Вытащили Кіевляне лодки Древлянскія на берегъ, подняли ихъ на плечи и понесли въ городъ.

Пришли на княжескій дворъ.

Увидали Древляне яму, что Ольга вырыть

велѣла, и поняли какъ провела она ихъ, да ужъ поздно было: Кіевляне въ мѣстѣ съ лодками кинули ихъ туда... Поднялся въ ямѣ стонъ, вой да вопли, а Ольга подошла и смѣясь спрашиваетъ:

— Что, послы дорогіе, хороша ли ваша честь? Довольны ли вы слугами моими? Хорошо ли донесли они васъ?

— Честь наша хуже смерти Игоревой! отвѣтили ей древляне.

И велѣла ихъ Ольга живьемъ зарыть, а сама отправила въ Коростень своихъ пословъ, сказать тамъ, что она согласна за князя ихъ выйти, пусть только пришлютъ за ней сорокъ самыхъ знатныхъ мужей своихъ, ибо безъ этой чести не отпустятъ ее Кіевляне,

Повѣрили Древляне! не спросили даже про тѣхъ людей, что передъ этимъ къ Ольгѣ посылали и снарядили новыхъ пословъ, какихъ требовала княгиня.

Какъ только прибыли они въ Кіевъ, велѣла Ольга жарко истопить баню, потомъ призвала къ себѣ Древлянъ и говоритъ:

— Вѣдомо мнѣ желаніе ваше, чтобъ вышла я замужъ за князя Мала и очень оно мнѣ лестно. Согласна я ѣхать съ вами, пораньше хочу принять васъ съ честью, какъ подобаетъ встрѣчать людей знатныхъ отъ народа сильнаго.

По обычаю же нашему идите и попарьтесь сначала въ банѣ, а потомъ ужъ приходите ко мнѣ.

Поклонились Древляне княгинѣ и вышли изъ терема, а люди ея проводили ихъ въ баню. Но только они начали тамъ раздѣваться, Кіевляне захлопнули дверь, подперли ее кольями, завалили камнями и съ разныхъ концовъ подожгли баню. Заметались въ ней Древляне, завопили благимъ матомъ, да такъ живьемъ и сгорѣли всѣ до одного.

Послѣ этого Ольга опять въ Коростеньословъ отправила сказать, что она идетъ къ нимъ и чтобъ наварили они побольше меду да всякихъ сластей попекли, потому что передъ тѣмъ какъ въ городъ войти, хочетъ она тризну по Игорѣ отправить на томъ мѣстѣ, гдѣ его похоронили.

Съ точностью исполнили Древляне все чего требовала Ольга: попекли, пожарили всякихъ сластей, кушаній, наварили медовъ разныхъ и стали ее ждать.

Немного погодя пріѣхала и Ольга съ малою дружиной. Сказала она Древлянамъ, что послы ихъ съ остальнымъ Кіевскимъ войскомъ за ней слѣдомъ идутъ и велѣла столы да лавки около могилы Игоревой устанавливать; потомъ созвала Древлянъ, разсадила ихъ за столы и

тризну по мужу править начала, а отрокамъ своимъ Древлянамъ прислуживать велѣла.

Много кушаній было съѣдено, еще больше меду выпито! Древляне хмѣлѣли да хмѣлѣли, а Кіевляне все подливали имъ хмѣльнаго да подливали... Напились они подъ конецъ такъ, что на ногахъ стоять не могли! А этого Ольга только и ожидала: махнула она своимъ воинамъ, тѣ вдругъ выхватили мечи и начали бить пьяныхъ Древлянъ; 5000 человѣкъ однихъ знатныхъ Древлянъ легло въ тотъ разъ вокругъ могилы Игоревой!

Совершила Ольга эту месть и назадъ въ Кіевъ ушла. Но не было ея сердце еще спокойно: народъ и кудесники разные все еще не переставали говорить, что мало она отомстила Древлянамъ за смерть князя, что требуютъ боги, чтобъ весь Древлянскій народъ наказанъ былъ, а не одни знатные люди.

И вотъ, наслушавшись такихъ рѣчей, собрала она войско и повела его вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ своимъ Святославомъ, въ землю Древлянскую.

Узнали про это Древляне и тоже собрали войско и на встрѣчу Кіевлянамъ пошли.

Встрѣтились оба воинства и стали одно противъ другаго.

Много было Древлянъ, чуть вдвое больше

Ольгинаго войска! Осмотрѣли ихъ Кіевляне и усумнились въ побѣдѣ; а одинъ вельможа Кіевскій, замѣтивъ это, подошелъ къ юному Святославу и говоритъ:

— Князь! воины твои робѣютъ. Садись на коня и веди ихъ скорѣй на врага, да самъ первый битву начни: увидятъ они тебя и ободрятся, а то не одолѣть намъ Древлянъ.

Послушалъ его князь, выѣхалъ впередъ и своимъ дѣтскимъ голосомъ крикнулъ, чтобъ шли за нимъ въ битву. Подвелъ онъ войско свое къ врагу поближе и бросилъ копье въ его ряды.

— Нашъ юный князь не оробѣлъ и битву началъ; такъ что же мы! Крикнули Кіевляне и, потрясая мечами ринулись на Древлянъ.

Не долго длилась схватка, Древляне не устояли, бѣжали въ Коростень и заперлись тамъ; Кіевляне пошли за ними слѣдомъ и обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что ни въ городъ, ни изъ него никто пройти не могъ.

Долго стояли они такъ: ждали все, чтобъ Древляне добровольно сдались, а тѣ отсидѣться думали, сдаваться не хотѣли. Но мѣсяца черезъ четыре начался въ Коростенѣ голодъ. Ольга узнавши объ этомъ послала сказать имъ, чтобъ согласились они лучше дань ей

заплатить чѣмъ съ голоду помирать и, что зла никакого она имъ не сдѣлаетъ.

Древляне подумали-подумали и согласились. Тогда велѣла имъ Ольга принести въ дань по три голубя да по три воробья съ каждаго двора и сказала, что больше ничего съ нихъ не потребуетъ.

Собрали Древляне этимъ голубей да воробьевъ и доставили ихъ къ Ольгѣ. Тогда созвала она всѣхъ воиновъ своихъ, раздала имъ этихъ птицъ и сказала, чтобъ привязали они имъ къ хвоставъ по куску труту и какъ стемнѣетъ, подожгли его и птицъ на волю выпустили.

Воины, какъ имъ приказано было, такъ все въ точности сдѣлали.

Поднялись птицы, покружились, покружились да въ городъ, въ гнѣзда свои и полетѣли. Тамъ трутъ, что у нихъ къ хвостамъ привязанъ былъ, разгорѣлся.... и вдругъ въ самую полночь сразу со всѣхъ сторонъ заполыхалъ Коростель!

Заметались Древляне, какъ угорѣлые: не то самимъ спасаться, не то добро изъ домовъ тащить!... Поднялся надъ городомъ шумъ, трескъ, гамъ, крикъ, народъ бѣжитъ невѣдомо куда, толкаются, одинъ другаго топчутъ, давятъ... чисто Содомъ и Гоморъ!.. Къ утру же отъ всего Коростеня одни обгорѣлыя

бревна да пепелъ остался!.. Вотъ какъ мстили въ старину!

Покончила Ольга съ древлянами, обложила ихъ тяжкой данью и вернулась въ Кіевъ и ужъ послѣ этого мало съ кѣмъ воевать ходила. Познала она тутъ всю несправедливость языческой вѣры и лѣтъ черезъ девять приняла православіе.

Послѣ смерти ея церковь наша за ея добрыя дѣла, которыя она дѣлала принявъ христіанство и за святую жизнь причислила ее къ лику святыхъ...

Такъ то началась наша Русь - матушка и такіе то въ ней порядки при началѣ были.